Археологические вести

— 32 —

Издание основано в 1992 году

Редакционная коллегия:

О. И. Богуславский, В. С. Бочкарёв, С. А. Васильев, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков, Т. С. Дорофеева (отв. секретарь), М. Т. Кашуба, А. В. Курбатов, В. А. Лапшин, академик РАН Н. А. Макаров, академик РАН В. И. Молодин, Н. И. Платонова, Н. Ю. Смирнов, Н. В. Хвощинская (главный редактор)

Научные редакторы выпуска:

М. Т. Кашуба (отв. редактор), Ю. Г. Кутимов, В. П. Никоноров, Е. О. Стоянов, А. В. Фрибус

Издательская группа:

А. В. Гилевич (переводы), Т. С. Дорофеева, В. П. Никоноров (переводы), Е. В. Новгородских, В. Я. Стёганцева

Археологические вести, Ин-т истории материальной культуры РАН. — **Вып. 32** / [Гл. ред. Н. В. Хвощинская]. — СПб., 2021. — 464 с.: ил.

Выпуск 32 журнала «Археологические вести» посвящен юбилеям трех сотрудников Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа ИИМК РАН: В. А. Алёшкина, В. И. Распоповой и Л. Б. Кирчо. Тематика большинства опубликованных статей так или иначе связана с историей и археологией Средней Азии разных эпох. В выпуск вошли очерки, посвященные юбилеям, и статьи по древнейшему и античному периодам истории этого региона авторов из России, Украины, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении, Казахстана, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Швейцарии. Также представлены традиционные разделы «Новые исследования и открытия», «Обзоры и рецензии» и «История науки».

Издание адресовано археологам, историкам, студентам.

Issue 32 of the journal “Archeological News” is dedicated to the anniversaries of three employees of the Department of Archeology of Central Asia and the Caucasus, IIMK RAS: V. A. Alyokshin, V. I. Raspopova and L. B. Kircho. Most of the published articles are in one way or another related to the history and archeology of Central Asia of different eras. The issue includes essays dedicated to the heroes of the day, and articles on the most ancient and antique periods of the history of this region by authors from Russia, Ukraine, Uzbekistan, Tajikistan, Turkmenistan, Kazakhstan, Great Britain, Germany, Italy, France, Switzerland. Also presented are the traditional sections “New Research and Discoveries”, “Reviews and Reviews” and “History of Science”.

The publication is addressed to archaeologists, historians, students.

ISSN 1817-6976

Первая страница обложки — бронзовая печать, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 1815/1405)

First page of cover — Bronze seal from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 1815/1405)

Четвертая страница обложки — серебряная булавка, Гонур-депе (Национальный музей в Ашхабаде, NM 168)

Fourth page of cover — Silver pin from Gonur Depe (National Museum of Ashgabat, NM 168)

© Институт истории материальной культуры РАН, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© Российская академия наук, продолжающееся издание
«Археологические вести», 1992 (год основания), 2021

Новые материалы бронзового века с территории Южного Таджикистана

Т. Г. Филимонова, Н. А. Дубова¹

Аннотация. В статье вводятся в научный оборот новые материалы эпохи бронзы из Южного Таджикистана — шесть погребений могильника Хульбук, занимающего южную часть холма, наверху которого в IX в. был построен дворец. Представленный в погребениях археологический комплекс не может быть целиком отнесен ни к бешикентско-вахшской культуре Таджикистана, ни к земледельческим культурам типа сапаллинской или намазгинской. Он демонстрирует явное взаимодействие разных культурных общностей. Изучены костные останки пяти индивидов, которые характеризуются грацильностью и небольшими размерами головы и тела. Их параметры в целом попадают в пределы вариаций типичных представителей популяций эпохи бронзы Южного Таджикистана.

Annotation. This paper publishes newly discovered materials of the Bronze Age from Southern Tajikistan — six burials at the cemetery of Khulbuk occupying the southern section of the hill on which a palace was built in the 9th century. The archaeological complex represented in these burials can be attributed, on the whole, neither to the Beshkent-Vakhsh culture of Tajikistan nor to the agriculturalist cultures of the Sapalli or Namazga type. By contrast, it demonstrates an undoubted interaction of different cultural communities. The skeletal remains of five individuals have been examined. They are characterized by gracility and a small size of the head and body. Their parameters, are generally found to be within the limits of the variations of typical representatives of the Bronze Age populations of Southern Tajikistan.

Ключевые слова: Средняя Азия, Хульбук, бешикентско-вахшская культура, культура сапалли, намазгинская культура, палеоантропология.

Keywords: Middle Asia, Khulbuk, Beshkent-Vakhsh culture, Sapalli culture, Namazga culture, palaeoanthropology.

DOI: 10.31600/1817-6976-2021-32-133-144

В середине — второй половине III тыс. до н. э. на Ближнем и Среднем Востоке происходили интенсивные миграционные процессы, причиной которых стали природно-климатические, экономические и отчасти социальные факторы. В них было вовлечено и население южных районов Средней Азии, всей территории Ирана и Северного Афганистана. В комплексах бронзового века

Юго-Западного Таджикистана присутствуют, составляя важнейший компонент, материалы, наиболее характерные для молалинской и бустанской фаз культуры сапалли, распространенной преимущественно в Южном Узбекистане, постхараппской фазы афганского Шортугая, расположенного вблизи таджико-афганской границы, а также некоторых могильников Северо-Западного Афганистана, в особенности Дашлы 17 и 19 (Пьянкова, 1999. С. 286).

В. А. Ранов и Т. Г. Филимонова выдвинули гипотезу о доживании гиссарской неолитической культуры лёссовых предгорий Южного Таджикистана до прихода сюда племен поздней бронзы во второй половине II тыс. до н. э. (Ранов, 1988. С. 42; Виноградова и др., 2008. С. 67–73). Предположение

¹ Филимонова Т. Г. — Отдел археологии, Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша НАН Таджикистана; пр. Рудаки, д. 33, Душанбе, 734025, Республика Таджикистан; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru. Дубова Н. А. — Центр антропоэкологии, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ленинский пр., д. 32А, Москва, 119934, Россия; e-mail: dubova_n@mail.ru.

Рис. 1. Схематическая карта памятников эпохи бронзы в долине р. Сурхоб: 1 — Нуродбахш; 2 — Дават; 3 — Дарначи; 4 — Гелот; 5 — Учкун; 6 — Кадучи; 7 — Куляб; 8 — Кокабод; 9 — Хульбук; 10 — Гулистон; 11 — Фархор; 12 — Макони Мор

Fig. 1. Schematic map of Bronze Age sites in the Surkhob River valley: 1 — Nurodbakhsh; 2 — Davat; 3 — Darnachi; 4 — Gelot; 5 — Uchkun; 6 — Kaduchi; 7 — Kulyab; 8 — Kokabod; 9 — Khulbuk; 10 — Guliston; 11 — Farkhor; 12 — Makoni Mor

о столь позднем появлении племен эпохи бронзы имело место в то время, когда памятники ранней и средней бронзы на юге Таджикистана не были известны. Сейчас оно скорректировано с учетом новых данных, но суть этой гипотезы главным образом в том, что неолитическое население сохранялось до прихода племен эпохи бронзы и в дальнейшем происходил синтез этих двух культурных массивов.

Н. М. Виноградова и Ю. Г. Кутимов полагают, что большая группа племен оседло-земледельческой культуры, первоначально сформировавшаяся в Северном Афганистане, перешла на правый берег Пянджа-Амударьи в районе современного райцентра Фархор, где осела и обитала продолжительное время (Виноградова, Кутимов, 2018. С. 96). В результате, как пишут Н. М. Виноградова и С. Бобомуллоев, в долине р. Сурхоб (Кызылсу), притока Пянджа, формируется новый центр обитания оседло-земледельческого населения

(Виноградова, Бобомуллоев, 2020) (рис. 1). Наиболее раннюю фазу развития древнеземледельческой культуры на территории среднего течения Пянджа-Амударьи в конце ранней бронзы, по их мнению, отражают материалы могильника Фархор (Там же) и единичные находки на холмах, окружающих с востока г. Куляб, обнаруженные в разное время: в 2003–2005 гг. отрядом под руководством Ю. Якубова (Якубов и др., 2006. С. 336–337) и в 2020 г. группой в составе Т. Г. Филимоновой, Р. Раззокова и Н. М. Виноградовой (данные не опубликованы). Погребальные комплексы могильников Гелота-Дарнайчи в долине р. Яхсу (приток р. Сурхоб), датированные периодом 2333–2153 cal BC, являются самыми ранними свидетельствами существования скотоводческой культуры на юге Таджикистана, представленной памятниками вахшской культуры, основное время существования которой приходится на поздний период бронзового века (Виноградова, Кутимов, 2018. С. 87–88).

На основании анализа археологических комплексов Южного Таджикистана и Северного Афганистана конца ранней и средней бронзы А.-П. Франкфор сделал вывод о возможности существования единой историко-культурной общности, которую он предложил называть культурой Пянджа (Francfort, 2016. Р. 472). Исследование, проведенное М. Тойфером на юге Таджикистана, позволило ему с уверенностью перенести начало бронзового века в этом регионе на III тыс. до н. э. Он отмечает определенное сходство «классической вахшской культуры» (по крайней мере, в наличии погребений в курганах) с общинами бронзового века, расположенными на Алтае и в Синьцзяне, и полагает, что эта общность играла посредническую роль в передаче технологий и возделываемых зерновых культур (металлургия бронзы и выращивание пшеницы / проса) между культурами оазисов Центральной Азии III — начала II тыс. до н. э. и Западным Китаем (Teufer, 2021. Р. 728-729). Являются ли упомянутые сходные черты действительно результатом массовых миграций населения или же в большей степени имели место торговые, культурные взаимоотношения на значительных территориях — вопрос дискуссионный (см. один из последних обзоров: Lyonnet, Dubova, 2021. Р. 14–18; также ср.: The World of the Oxus Civilization, 2021).

В последние десятилетия опубликованы материалы, относящиеся к эпохе бронзы этого региона (Виноградова и др., 2003; 2008; Kaniuth et al., 2006). В результате проведенных поисковых работ в последние годы обнаружены еще несколько могильников и единичных находок бронзового века на водоразделе р. Сурхоб и Таирсу у сел. Нуродбахш и Дават (исследования Т. Г. Филимоновой 2018 г., не опубликованы), а также Кадучи, Кокабод, Хульбук, расположенные на расстоянии примерно 7–8 км друг от друга. Раскопки могильников, кроме представляемого Хульбука, не проводились, поскольку они заняты современными кладбищами или постройками. На их поверхности собран подъемный материал, определяющий принадлежность могильников к бешкентско-вахшской культуре в ее заключительной фазе (Филимонова, Ахметзянов, 2017). Не вступая, ввиду другой цели данной статьи, в какую-либо дискуссию по затронутым вопросам, стоит поддержать общую формулировку Ю. Г. Кутимова (Виноградова, Кутимов, 2018. С. 106), который подчеркнул, что территория современного

Южного Таджикистана в эпоху бронзы была освоена различными по образу жизни, характеру хозяйственной деятельности и уровню развития материальной культуры племенами оседло-земледельческого и скотоводческого типов.

Л. Т. Пьянкова отмечала, что чрезвычайное разнообразие погребальных сооружений и погребальных обрядов в зоне активных контактов земледельческих и степных племен наиболее наглядно свидетельствует о сложности происходивших здесь этнокультурных процессов, ассимиляции различных культурно-хозяйственных типов, изменениях в материальной и духовной сферах жизни (Пьянкова, 1999. С. 294). Актуальность и дискуссионность поднимаемых вопросов делает важным введение в научный оборот ранее неопубликованных материалов.

Погребения эпохи бронзы в Хульбуке были обнаружены в 2003 г. Ю. Я. Якубовым при проведении раскопок на территории Историко-культурного музея-заповедника «Хульбук». Этот археологический комплекс находится в селении Мехробод (Курбоншаид) Восейского района Хатлонской области, в месте слияния рек Сурхоба и Яхсу (37°47'06" с. ш.; 69°32'01" в. д.; высота 489 м). Музей включает дворец правителя и руины города IX–XII вв. — столицы владения Хутталь (Якубов, Гуломова, 2006). Жилая часть города занимает первую нижнюю террасу, образующую долину р. Сурхоб. Дворец располагается на второй 10-метровой террасе, имеющей на этом участке вид овального холма размерами 300 × 150 м, клином вдающегося в долину (рис. 2). В основании террасы лежат песчаные аллювиальные отложения, перекрытые незначительным слоем лессовидных суглинков.

Данные о том, что под помещениями дворца может находиться памятник эпохи бронзы, были получены еще в 1950-х гг. во время проведения первых работ во дворце, но тогда им не придали должного значения. При подготовке «Археологической карты Восейского района» были подняты архивы Б. А. Литвинского, хранящиеся в фондах Отдела археологии Института истории, археологии и этнографии Национальной академии наук Таджикистана (ИИАЭ НАНТ). Среди рисунков керамических изделий был обнаружен один сосуд, типичный для бешкентско-вахшской культуры, с характерным орнаментом в виде прочерченной широкой волны (как выяснилось позднее, этот сосуд происходит из погребения 1 — см. далее).

Рис. 2. Схема рельефа в районе Хульбука.
Отредактированный рисунок А. Е. Маджи 1928 г.
Условные обозначения: а — траншея; б — погребение
Fig. 2. Scheme of the relief in the locality of Khulbuk.
Revised drawing of 1928 by A. E. Madzhi.
Keys: а — trench; б — burials

Скорее всего, он был найден при расчистке сливных колодцев или мусорных ям, глубина которых доходила до 7–8 м и вполне могла достигнуть погребений эпохи бронзы.

Исследования могильника Хульбук были осуществлены в два этапа, с учетом пространственных возможностей, чтобы не разрушать средневековые постройки.

Для уточнения залегания нижних слоев дворца в его юго-западной части Ю. Якубов заложил траншею 21 × 3 м, доведенную до глубины 4,5 м (объект V) (рис. 3). Была выявлена следующая стратиграфия: 1 — культурный слой, относящийся ко 2-му периоду существования дворца (толщина 2 м); 2 — пол из кирпича-сырца и пахсы (30 см); 3 — слой из строительных остатков, образовавшихся от разрушенных помещений 1-го периода (1 м); 4 — пол из жженого кирпича; 5 — рыхлый суглинок, поверхность которого выровнена для возведения дворца (1 м). Еще ниже залегают светлые плотные лёссовидные отложения,

Рис. 3. План дворца Хульбука с указанием разведочной траншеи 2003 г. с погребениями эпохи бронзы (по Якубов, 2004. С. 337). Условные обозначения: а — траншея; б — погребения; в — номера погребений
Fig. 3. Plan of the Khulbuk palace with indication of the exploratory trench of 2003 with burials of the Bronze Age (after Якубов, 2004. P. 337). Keys: а — trench; б — burials; в — burial numbers

в которых обнаружены шесть погребений эпохи бронзы. Они компактно располагались на 15-метровом участке в восточной и средней частях траншеи. Разница по глубине между погребениями составляла от 0,3–0,4 до 1 м, что, по мнению исследователя, было результатом не хронологического интервала, а неровности холма.

Из шести выявленных погребений было вскрыто четыре. Конструкция могильных ям различна: в трех случаях — простая яма овальной формы (1,8–1,9 × 0,9–1,2 м), в четвертом — яма с кирпичным настилом (размеры кирпичей 47 × 20 × 12 см). После окончания раскопок погребения были законсервированы. По мнению

Ю. Якубова, хотя сопровождающий погребальный инвентарь был немногочисленным, он позволил отнести могильник к бешкентско-вахшской культуре и определить его датировку — середина или конец III тыс. до н. э. (Якубов и др., 2004). Все полученные в 2003 г. материалы из этих погребений хранятся в Музее Хульбука. К сожалению, значительная часть полевых записей не сохранилась, а полученные материалы не были опубликованы.

Через несколько лет в процессе реставрации дворцового комплекса в северо-восточной части дворца строителями случайно было найдено одно погребение. К сожалению, оно было разрушено, сохранился только погребальный инвентарь, состоявший из одного гончарного кубка тюльпановидной формы, горшка и миски лепного изготовления (сама миска и ее фото не сохранились) (рис. 4, 1, 2). Однако это погребение, в какой-то мере определяет границы могильника, который занимал, скорее всего, южный, восточный и северо-восточный края холма.

В 2018 г. во время работ по составлению археологической карты Таджикистана Восейским отрядом ИИАЭ НАНТ участники экспедиции при посещении музея, обратили внимание на знаковые предметы, выставленные в экспозиции, — каменный «жезл» и сосуд характерной конической формы. Было принято решение уточнить конструкцию выявленных могил и изучить антропологические характеристики захороненных. Расчистку указанных выше и законсервированных погребений проводили Т. Г. Филимонова (руководитель), директор заповедника А. Ходжаев, Н. А. Дубова и опытные рабочие Г. Бурхонов, В. Елкин, М. Филимонов, И. Ашурмадов и Ш. Нарзуллоев. Описание дано на основании расчищенных вторично погребений и имеющейся архивной документации. Две могилы располагались около южной стенки траншеи, две — у северной стенки, одна — в ее северо-восточном углу, еще одна оказалась полностью разрушенной.

Погребение 1. Находилось на глубине 3 м от уровня второго пола средневекового здания (или на 4,5 м от верха сохранившихся стен). На разрезе южной стенки на высоте 0,7 м от уровня пола могилы четко фиксируется уровень древней дневной поверхности. Погребальная яма размерами 1,2 × 0,7 м была ориентирована по линии север–юг. Погребенный был уложен на левом боку, головой на юг. Левая рука согнута в локте так, что кисть

Рис. 4. Хульбук: 1, 2 — сосуды из одиночного погребения. 1, 2 — обожженная глина

Fig. 4. Khulbuk: 1, 2 — pottery from a single burial. 1, 2 — fired clay

находилась около подбородка, а локоть — около колен. Правая рука лежала вдоль грудной клетки, а ее кисть находилась около колен. Ноги сильно согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазу.

Погребальный инвентарь. В 0,25 м к югу от затылка стояла большая керамическая чаша конической формы. Размеры: высота 12 см, диаметр устья 30 см, диаметр дна 10 см (рис. 5, 4). Рядом с чашей находилась миска сферической формы. Размеры: высота 8 см, диаметр устья 28 см, диаметр дна 10 см (рис. 5, 1). Там же обнаружены верхние части двух бронзовых булавок — одна с плоским круглым навершием, вторая — с фигурным. Сохранившаяся длина последней 6 см

(рис. 5, 5). Кубок тюльпановидной формы с отогнутым венчиком и невысокой ножкой. Размеры: высота 17 см, диаметр венчика 10 см, диаметр дна 6 см (рис. 5, 3). Около ног был установлен лепной горшковидный сосуд с резным орнаментом — в верхней части в виде узкой горизонтальной гребенки, в средней — высокой волны. Размеры: высота 15 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 10 см (рис. 5, 2). Вдоль восточной стенки ямы (на расстоянии около 30 см от погребенного) лежал каменный «жезл» веретенообразной формы. Размеры: длина 80 см, максимальный диаметр в средней части 7 см (рис. 5, 6).

Костные останки человека сохранились плохо, в большинстве своем они представлены мелкими фрагментами. Кости — некрупные, неширокие, утонченные. Толщина левой части теменной кости 7 мм. Швы в теменно-затылочной области только начали зарастать. Диаметр головки правого бедра — 44 мм. Сама головка (так же как и фрагмент головки левого бедра) — гладкие, без выраженных возрастных изменений. Фаланги кисти также не имеют возрастных изменений. Имеющиеся зубы некрупные. Стертость маляров — 3 балла, резцов — 2. Это позволяет определить возраст захороненного 30–35 годами. По имеющимся данным определение пола затруднено. Учитывая наличие каменного «жезла», скорее всего, в этой могиле был захоронен мужчина, который по антропологическим характеристикам может быть отнесен к некрупным и грацильным.

Погребение 2. Находилось на 0,4 м выше уровня погребения 1. Сохранилось частично. Контуры погребальной ямы не прослеживались. Погребенный лежал в сильно скорченном положении (плечевые кости почти параллельны бедренным), на правом боку, головой на запад (череп и большая часть позвоночника не сохранились).

Погребальный инвентарь. Лепной сосуд тюльпановидной формы (не сохранился). Лепной сосуд баночной формы. Размеры: высота 14 см, диаметр горловины 12 см, диаметр дна 7 см (рис. 6, 1). Место нахождения сосудов в могиле не устанавливается.

Костные останки человека занимали площадь 55 × 50 см. Все эпифизы на имеющихся костях (бедренной, голени, плечевой, предплечья) разрушены, но по состоянию сохранившихся фрагментов, можно полагать, что они были полностью приросшими. На имеющихся трех фалангах (фрагментированы) следов возрастных изменений нет. Все фрагменты говорят о грацильности и некрупных

размерах индивида. Вероятно, что захороненная — женщина 25–35 лет.

Погребение 3. Эта законсервированная могила в северо-западной части траншеи оказалась полностью разрушена, и ее изучение не могло быть проведено. На момент первого исследования, согласно сохранившимся сведениям, могильная яма, ориентированная по линии северо-запад–юго-восток, имела овальную форму и размеры 1,8 × 1,1 м. Погребенный был уложен на левом боку, головой на юго-запад, лицом обращен на юг. В головах стояла одна лепная чаша (рис. 7).

Погребение 4. Сохранилось наиболее хорошо. Входная яма четко прослеживалась в разрезе траншеи (рис. 8, 1). Погребение катакомбного типа. Верхняя граница входной ямы находилось под метровым слоем рыхлого суглинка. Дно могильной камеры зафиксировано на глубине 1,8 м от уровня первого пола дворца. Поскольку часть входного сооружения уходит в стенку траншеи под средневековые постройки, определяется только одна из сторон дромоса шириной 0,53–0,55 м, высотой 0,20 м. Две ступени располагались к востоку от дромоса. На первой ступени (ширина 0,80 м, высота 0,35 м) находилась кладка из сырцового кирпича, закрывающая вход в погребальную камеру. Кладка состояла из двух рядов сырцового кирпича (размеры кирпича 47 × 20 × 12 см), сдвинута к краю ступени; в нижнем ряду кирпичи были положены по длине, в верхнем ряду — по ширине. Вторая ступень, высотой 0,6 м, соответствует входу в могильную камеру. Яма овальной формы, ориентирована по линии север–юг, размерами 0,85 × 0,60 м и глубиной 0,60 м. Погребенный был уложен на левом боку, головой на юг, в сильно скорченном положении, пятки находились под тазом. Обе руки лежали вдоль грудной клетки так, что предплечья и кисти находились между бедрами (рис. 8, 2).

Погребальный инвентарь. На расстоянии 0,25 м за затылком находилась керамическая тарелка. Размеры: высота 6 см, диаметр устья 25 см, диаметр дна 13 см (рис. 8, 3). В ногах погребенного стоял кубок тюльпановидной формы с прямым венчиком. Размеры: высота 18 см; диаметр устья 9 см, дна 7 см (рис. 8, 4).

Костные останки человека сохранились плохо и частично средне. Удалось получить несколько размеров как на черепе (нижняя челюсть и фрагменты альвеолярной части лица), так и на посткраниуме. Все эпифизы полностью приросшие. Фрагменты ключицы — утонченные, очень короткие

Рис. 5. Хульбук. Погребение 1: 1-4 — сосуды; 5 — булавка; 6 — «жезл». 1-4 — обожженная глина; 5 — бронза; 6 — камень. Масштаб: а — для 1-4, б — для 5, в — для 6

Fig. 5. Khulbuk. Burial No. 1: 1-4 — pottery; 5 — pin; 6 — “staff”. 1-4 — fired clay; 5 — bronze; 6 — stone.
Scale: а — for 1-4, б — for 5, в — for 6

Рис. 6. Хульбук. 1 — лепной горшок, погребение 2; 2 — гончарная миска, погребение 5. 1, 2 — обожженная глина.

Fig. 6. Khulbuk. 1 — handmade pot, burial No. 2; 2 — wheelmade bowl, burial No. 5. 1, 2 — fired clay

Рис. 7. Хульбук. План погребения 3 (Якубов, 2004. С. 340)

Fig. 7. Khulbuk. Plan of the burial 3 (Якубов, 2004. Р. 340)

Рис. 8. Хульбук. Погребение 4: 1 — часть дромоса в стене траншеи, вид с юга; 2 — положение погребенного, вид с запада; 3, 4 — сосуды. 3, 4 — обожженная глина

Fig. 8. Khulbuk. Burial No. 4: 1 — section of the dromos in the wall of the trench, view from the south; 2 — position of the buried; view from the west; 3, 4 — pottery. 3, 4 — fired clay

(общая длина не более 105 мм), ширина нижней челюсти от углов — 89 мм, что свидетельствует о принадлежности костей женщине. Кости предплечья — рельефные, не округлые, с достаточно выраженным мышечным рельефом. Травм и ярко выраженных патологий нет. Зубы мелкие и средних размеров. Их стертость сильная — 3 балла. Ширина грушевидного отверстия 22 мм. Полученные размеры свидетельствуют, что кости принадлежат миниатюрной грацильной женщине с тонкими чертами лицами. Возраст может быть определен 30–40 годами.

Погребение 5. Располагалось в средней части восточной стены траншеи, где просматривался профиль куполообразной могильной ямы шириной 0,80 м и глубиной 0,55 м. Размеры и форма дромоса, контур самой ямы в плане не определяются, так же как и положение погребенного.

Погребальный инвентарь. Гончарная миска высотой 9 см, диаметр устья 30 см, диаметр дна 18 см (рис. 6, 2).

Кости человека находились в перемешанном состоянии, сильно фрагментированы. По описанию директора музея Хульбук А. Ходжаева, во время обнаружения скелет лежал в вытянутом положении. Ключица довольно мощная, с не резко, но выраженным рельефом (диаметры в середине диафиза

20 и 15 мм). Кости предплечья визуально средней ширины и средней длины (эпифизы не сохранились, хотя были нормально приросшими). На телах позвонков прослеживаются слабые следы остеохондроза. Суставные поверхности коленной части бедренной кости гладкие, без следов возрастных изменений. Можно полагать, что скелет принадлежал мужчине 25–35 лет мезоморфного телосложения.

Погребение 6. В 0,5 м к западу от погребения 5 на глубине 0,8 м от границы светлого лёсса было зафиксировано четкое пятно с размерами 0,9 × 0,7 м (продольная ось — север-юг). Расчистка показала, что оно было заполнено мусорным слоем. Возможно, это пятно является остатками входной ямы в погребение 5. Остальные детали захоронения не прослежены. Непосредственно в северо-восточном углу зачищенной площади находилось скопление сильно разрушенных костей, предположительно стопы от еще одного захоронения, уходящего под стены средневековых помещений.

Погребальный инвентарь. Около северо-восточного края контура, в 0,3 м к юго-западу от северо-восточного угла, стоял лепной миниатюрный светло-глиняный сосуд со слегка отогнутым венчиком и с резным орнаментом в виде двух древовидных фигур («елочек»). Размеры: высота 8 см, диаметр венчика 6(?) см, диаметр дна 3 см (рис. 9).

Обобщение изученного палеоантропологического материала показывает, что останки четырех индивидов характеризуются грацильностью и мелкими размерами головы и тела. Несколько более крупными, но все же относящимися к категории малых параметров, отличается мужской скелет из погребения 5. Мы не имеем важных для популяционной диагностики данных (размеров головы и лица), поэтому сопоставить данную группу с имеющимися в литературе данными невозможно. Но в целом можно заключить, что по имеющимся параметрам она полностью попадает в пределы вариаций и является достаточно характерной для типичных представителей популяций эпохи бронзы Южного Таджикистана.

Комплекс находок в целом включает артефакты, характерные как для земледельческой культуры (гончарные миски-чаши конусовидной формы, бронзовая заколка), так и скотоводческой бешкентско-вахшской (банковидные сосуды с прочерченной волной). Особое внимание обращает на себя каменный «жезл», найденный в погребении 1. Он аналогичен экземплярам, обнаруженным в погребениях 19 и 22 могильника Фархор (Виноградова, Бобомуллов, 2020. С. 139–140, 148, рис. 21, 18; 21А; 24, 1), случайным находкам с того же памятника (Там же. С. 117, рис. 4, 2), а также случайной находке в том же Фархоре (возможно, также из погребения), которая в качестве подарка президенту Таджикистана передана в Национальный музей страны. Три подобных каменных «жезла» в подъемном материале найдены на могильниках Гелот (Виноградова и др., 2009. С. 41) и Учкун (Филимонова и др., 2020. С. 61), а также на новых местонахождениях Нуродбахш и Дават (памятники открыты в результате археологической разведки 2018 г., материалы не опубликованы). Важно подчеркнуть, что подобные предметы известны в афганской части Бактрии (Pottier, 1984. Fig. 7, no. 31, 32). В «святилище» на Алтын-депе в Туркменистане обнаружено близкое по форме изделие, но имеющее в середине, как пишет Л. Б. Кирчо, «подшаровидное утолщение» (Кирчо, 2005. С. 415, 385, рис. 18, 44). Очень похожий на него предмет известен в Тепе Гиссар III в Иране (Schmidt, 1937. P. 222, pl. LXIV, H 2894). Часть найденных на туркменском Гонур-депе посохов (или «жезлов») также имеет веретенообразную форму, но они значительно длиннее (124–149 см) и оба их конца, несмотря на общее сужение изделия, уплощены, а не заострены (Дубова и др., 2019).

Рис. 9. Хульбук, погребение 6. Лепной глиняный сосуд (а — фото, б — прорисовка)

Fig. 9. Khulbuk. Burial No. 6, handmade clay vessel (a — photo, б — redrawing)

Важным показателем является форма небольшой бронзовой булавки, также происходящей из погребения 1. Аналогичные изделия найдены в могильнике Пархай, Юго-Западный Туркменистан: в погребениях 25, 117, 167 и 190 в слоях ЮЗТ VII–V — от первой половины IV до начала II тыс до н. э. (Хлопин, 1997. Табл. 6, 2, 3; 49, 3; 78, 3; 101, 2, 3)². Считать ее присутствие в данном погребении свидетельством ранней датировки могильника, особенно

² Выражаем благодарность Дж. Л. Бонора за помощь в поисках аналогий для данной булавки.

в комплексе с керамикой, нецелесообразно, так как такие формы существовали и во II тыс. до н. э.

Среди керамических изделий, происходящих из описанных погребений, обращают на себя внимание две широкие и низкие чаши, выполненные на гончарном круге. Для бишкектско-вахшской культуры Таджикистана эпохи бронзы такие сосуды не характерны. Но подобная форма часто встречается на многих земледельческих памятниках южных районов Туркменистана, Узбекистана и Ирана (см., например: *Udeimuradov*, 2002. No. 30; *Хронология...*, 2005. Рис. 5, 17, 25; 14, 3–18; 16, 10; и др.; *Аскаров*, 1977. Рис. 16; 17; 19; 20; 33, 6–9; *Медведская*, 2019. Рис. 4, 5, 6; 5; 6). В то же время в материалах последних венчики, как правило, бывают заостренными, а не загнутыми внутрь. Напомним, что Л. Т. Пьянкова (*Пьянкова*, 1999. С. 286) писала о присутствии в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана

материалов культуры сапалли, но на поздних этапах ее развития — молалинском и бустанском. Также о западном и юго-западном направлениях связей свидетельствует и небольшой светлоглиняный банковидный сосуд с орнаментом в виде двух деревьев («елочек») из погребения 6 (рис. 9).

Таким образом, представленный в погребениях археологический комплекс не может быть целиком отнесен ни к бешкентской или вахшской культурам, распространенным на территории Таджикистана, ни к земледельческим культурам типа сапаллинской или намазгинской. На примере ряда изделий и особенно каменного «жезла», бронзовой булавки с навершием и форм сосудов можно констатировать явное взаимодействие этих культур. Для уточнения хронологической принадлежности памятника необходимо проведение дальнейшего сравнительного анализа материала, а также дополнительных специальных раскопок.

Аскаров, 1977 — *Аскаров А. А.* Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент: Фан, 1977. 231 с.

Виноградова, Бобомуллоев, 2020 — *Виноградова Н. М., Бобомуллоев С.* Могильник Фархор — памятник эпохи ранней и средней бронзы в Юго-Западном Таджикистане. М.: ИВ РАН, 2020. 283 с.

Виноградова, Кутимов, 2018 — *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г.* Погребальные памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане (могильники Гелота и Дарнайчи). М.: ИВ РАН, 2018. 276 с.

Виноградова и др., 2003 — *Виноградова Н. М., Гётцельт Т., Пьянкова Л. Т.* Археологическая разведка в бассейне реки Кызылсу (Южный Таджикистан) // РА. 2003. № 1. С. 103–115.

Виноградова и др., 2008 — *Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г.* Изучение Гиссарской культуры и неолитические слои поселения Кангурттут (к проблеме финального этапа гиссарской культуры) // *Виноградова Н. М., Ранов В. А., Филимонова Т. Г.* Памятники Кангурттута в Юго-Западном Таджикистане (эпоха неолита и бронзовый век). Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2008. С. 5–159.

Виноградова и др., 2009 — *Виноградова Н. М., Кутимов Ю. Г., Ломбардо Д.* Археологические исследования отряда по изучению памятников эпохи бронзы в Хатлонской области в 2007 г. // АРТ. Душанбе, 2009. Вып. XXXIII. С. 35–66.

Дубова и др., 2019 — *Дубова Н. А., Фрибус А. В., Грушин С. П., Сатаев Р. М., Турик В. Г.* Крупные

каменные изделия Маргианы (Туркменистан, эпоха бронзы): местонахождения и разнообразие форм // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): Материалы Междунар. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург). Т. I. Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции). К 90-летию со дня рождения патриарха евразийской археологии В. М. Массона. СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. С. 51–53.

Кирчо, 2005 — *Кирчо Л. Б.* Погребальный инвентарь Алтын-депе // *Кирчо Л. Б., Алёкшин В. А.* Хронология эпохи позднего энеолита — средней бронзы Средней Азии (погребения Алтын-депе). СПб.: ИИМК РАН, Нестор-История, 2005 (Труды ИИМК РАН; Т. XVI). С. 347–421.

Медведская, 2019 — *Медведская И. Н.* Иран в начале железного века. СПб.: Наука, 2019. 219 с.

Пьянкова, 1999 — *Пьянкова Л. Т.* Степные компоненты в комплексах бронзового века Юго-Западного Таджикистана // *StratumPlus*. 1999. № 2. С. 286–297.

Ранов, 1988 — *Ранов В. А.* Каменный век Южного Таджикистана и Памира: Дис. ... д-ра ист. наук в форме научного доклада: 07.00.06. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 1988. 52 с.

Филимонова, Ахметзянов, 2017 — *Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р.* Отчет Хутальской археологической

- экспедиции — Восейский район (2013 г.) // АРТ. Душанбе, 2017. Вып. XXXIX. С. 184–211.
- Филимонова и др., 2020 — Филимонова Т. Г., Ахметзянов М. Р., Ходжаев Ш. Р., Ходжаев А. Р. Археологическая карта Таджикистана. Восейский район. Душанбе: Истеъдод, 2020. 376 с.
- Хлопин, 1997 — Хлопин И. Н. Энеолит Юго-Западного Туркменистана. СПб.: Европейский дом, 1997. 302 с.
- Якубов, Гуломова, 2006 — Якубов Ю., Гуломова Э. Хульбук столица древнего Хатлован (Путеводитель). Душанбе: б. и., 2006. 67 с.
- Якубов и др., 2004 — Якубов Ю. Я., Довутов Д. Д., Кулемин А. С. Раскопки на городище Хульбук в 2003 г. // АРТ. Душанбе, 2004. Вып. XXIX. С. 336–342.
- Якубов и др., 2006 — Якубов Ю., Довутов Д., Филимонова Т. Г. История Куляба с древнейших времен до наших дней. Душанбе: Дониш, 2006. 262 с.
- Francfort, 2016 — Francfort H.-P. How the twins met: Indus and Oxus Bronze Age Civilizations in Eastern Bactria. Shortughai revisited forty years later // Тр. МАЭ. Т. 6. Памяти Виктора Ивановича Сарияниди. М.: Старый Сад, 2016. Р. 461–476.
- Kaniuth et al., 2006 — Kaniuth K., Teufer M., Vinogradova N. Neue bronzzeitliche Funde aus Südwest Tadjikistan // AMIT. 2006. Bd. 38. S. 81–102.
- Lyonnet, Dubova, 2021 — Lyonnet B., Dubova N. Questions on the Oxus Civilization or Bactria-Margiana Archaeological Culture (BMAC): an Overview // The World of the Oxus civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 7–65.
- Pottier, 1984 — Pottier M.-H. Matériel funéraire de la Bactriane méridionale de l'âge du bronze. Paris: Recherche sur les civilisations, 1984 (Mémoire 36). 232 p.
- Schmidt, 1937 — Schmidt E. F. Excavations at Tepe Hisar. Damghan. Philadelphia: The University museum, The University of Pennsylvania Press, 1937. 478 p.
- Teufer, 2021 — Teufer M. The “Classical Vakhsh culture”. A Bronze Age culture of the 3rd and early 2nd millennium BC in Southern Tajikistan // The World of the Oxus civilization / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. P. 698–733.
- The World of the Oxus Civilization, 2021 — The World of the Oxus Civilization («Worlds of Routledge» Series) / Eds. B. Lyonnet, N. A. Dubova. London; New York: Routledge, 2021. 964 p.
- Udeumuradov, 2002 — Udeumuradov B. Ceramic Material from Gonur-depe Necropolis // Margiana. Gonur-depe Necropolis / Ed. G. Rossi-Osmida. Venice: Il Punto Edizioni, 2002. P. 132–143.

Newly discovered burials of the Bronze Age in the territory of Tajikistan

T. G. Filimonova, N. A. Dubova³

The region of Southern Tajikistan occupied in the Bronze Age by different settled-agriculturalist and herding tribes is represented by fairly numerous sites. During recent decades it was possible to discover new complexes demonstrating the complexity of the cultural processes taking place here. The site presented in this paper is situated in the territory of the “Khulbuk” Historical and Cultural Museum-Preserve (Vosey district of Khatlon region, at the confluence of the Surkhoba and Yakhsu rivers). It comprises a palace of the ruler and ruins of the city of the 9th–12th century — the capital of ancient Khuttal. During more exact investigations of the lower strata of the southwestern section of the palace in 2003, Yusufsho Ya. Yakubov sank a trench where six burials of the Bronze Age were discovered. The burial ground evidently occupied the entire southern edge section of the hill on the top of which the palace was built in the 9th century.

Four of the five excavated burials were placed in oval pits and one was in a catacomb grave. The grave goods included artefacts characteristic both of the agriculturalist culture (wheelmade cone-shaped bowls, a bronze pin) and of the herding Beshkent-Vakhsh one (jars with a scratched wave decoration). Of special note is a stone “staff”

³ Tatiana Filimonova — Institute of History, archeology and ethnography name after A. Donish, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan; 734025, Dushanbe, Rudaki ave., 33, Tajikistan; e-mail: tatjanafilimonova@mail.ru. Nadezhda Dubova — The Institution of the Russian Academy of Sciences N. N. Miklouho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology. 32A, Leninski prospect, Moscow, 119991, Russia. e-mail: dubovana@iea.ras.ru, dubova_n@mail.ru.

found in grave No. 1. It resembles the objects discovered at the burial grounds of Farkhor, Gelot and Uchkun. Similar peculiar objects are known from the Afghan part of Bactria, the “sanctuary” at Altyn-Depe in Turkmenistan and from Tepe IIIB Hissar in Iran. Burial No. 1 yielded a small bronze pin analogous to those from a series of graves at the burial ground of Parkhay (South-Western Turkmenistan). Noteworthy are also the broad and low clay bowls made on a potter’s wheel and untypical of the Beshkent-Vakhsh culture. However, similar items are often found at many agriculturalist sites in the southern regions of Turkmenistan, Uzbekistan and Iran. The archaeological complex described above can be wholly attributed neither to the Beshkent or Vakhsh culture nor to the cultures of the Sapalli or Namazga type. The example of a series of these artefacts suggests an undoubted interaction between these cultural communities. A more detailed comparative analysis of the evidence, as well as special excavations, is needed to identify the chronological belonging of the site.

The investigated skeletal remains of five individuals are characterized by gracility and small size both of the head and body. Their parameters, on the whole, are found to be within the limits of the variations of typical representatives of the Bronze Age populations of Southern Tajikistan.